

Кононова Ирина Юрьевна

преподаватель

Ташкентский областной Чирчикский
государственный педагогический институт

г. Чирчик, Республика Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОЧЕРКАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

***Аннотация:** в статье на материале повести Н. Карамзина «Бедная Лиза» анализируется функционирование вставных конструкций как субъектно-экспрессивной формы синтаксиса; сопоставляются особенности использования скобочных вставных конструкций и вставных конструкций, выделенных парным тире; описываются функции вставных конструкций на вертикальном срезе текста.*

***Ключевые слова:** вставные конструкции, субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, синтаксические приёмы.*

В данной работе на материале очерков М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» предпринимается попытка описать особенности функционирования вставных конструкций в текстах разного типа. Под вставными конструкциями (далее – ВК) нами понимаются выделенные скобками или парным тире синтаксические конструкции, которые связаны по смыслу с основным предложением (базовой частью), но могут быть опущены без нарушения синтаксической структуры основного предложения. В качестве объекта исследования выбран только один синтаксический тип скобочных ВК – ВК, представляющие собой непредикативные единицы, синтагматически не связанные с базовой частью. Характерное для таких ВК отсутствие, с одной стороны, самостоятельной коммуникативной ценности, с другой стороны, синтаксической связи с самостоятельной коммуникативной единицей нарушает синтаксическую связность текста и ограничивает их употребление. В норме такие ВК используются в наиболее

формализованных стилях: научном и официально-деловом – и выполняют строго определенные функции:

- при цитировании содержат указание на автора и/или источник цитаты;
- содержат примеры, поясняющие содержание базовой части.

Ограниченность сферы употребления таких ВК превращает их в своего рода стилистический маркер.

В тексте очерка «Пушкин и Пугачев» встречаются случаи реализации обеих вышеуказанных функций ВК. Ср. использование ВК при цитировании: *«По сему, что поэт есть творитель, еще не наследует, что он лживец, ибо поэтическое вымышление бывает по разуму так – как вещь могла и долженствовала быть»* (Тредьяковский) [1, с. 519] (указание на автора цитаты); *Об этой Харловой Пушкин, пища «Капитанскую дочку», помнил, ибо (письмо Марьи Ивановны Гринева): «Он (Швабрин) обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею и с Вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой...»* [1, с. 515] (указание на источник цитаты). В обоих случаях использование ВК сопровождается отклонениями от нормативных правил. В первом случае формализованные стили требуют как минимум приведения инициалов автора. Во втором случае отклонением от нормы является препозиция ВК по отношению к цитате.

При приведении примеров в одном случае ВК вставляется в классификацию: *Только те своих героев искали и находили либо в дебрях прошлого, этим бесконечно себе задачу облегчая и отдаленностью времен лишая их последнего правдоподобия, либо (Лермонтов, Байрон) – в недрах лирического хаоса, – либо в себе, либо в нигде* [1, с. 512]; во втором случае пример используется как обоснование характеристики, данной в базовой части: *...вплоть до физического контраста физически-очаровывающего нас Пугачева и его страшной оравы (рваные ноздри Хлопуши)* [1, с. 512]; в третьем случае ВК содержит примеры словопотребления для пояснения сочетаемости и семантических коннотаций лексем: *Истины не ходят тьмами (тьма-тьмуца, Тьму-Таракань и т. д.). Только – обманы* [1, с. 521].

Таким образом, использование синтагматически не связанных с базовой частью скобочных ВК в тексте очерка «Пушкин и Пугачев» в целом располагается в рамках нормативного дискурса и не связывается с противостоянием своего и чужого слова. К ВК данного синтаксического типа в данном тексте применимо утверждение Г.Н. Акимовой, которая, перечисляя такие функции ВК, как пояснение, мотивация и ссылка на источник информации, указывает, что «основной функцией ВК является передача дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации. Они имеют отношение к содержанию основного предложения, однако логически могут быть опущены» [2, с. 59]. Иными словами, для приведенных примеров правомерна мысль о «второстепенности» содержания ВК по отношению к содержанию базовой части.

В очерке «Мой Пушкин» наблюдается иная ситуация: во всех случаях использования скобочных ВК, синтагматически не связанных с базовой частью, наблюдается различие голосов в ВК и базовой части.

В трех случаях это различие является эксплицитным: ВК заключают в себе слова автора, сопровождающие реплики персонажей. По синтаксической структуре (отсутствие сказуемого) и смысловому наполнению (характеристика интонации и/или громкости произнесения) эти единицы ближе к авторским ремаркам в драматургическом тексте, чем к нормативному оформлению диалога в повествовании. В одном случае из трех ремарка относится к предшествующей ей реплике: *Алёша, – значит, по-нашему (приятельница, примиряюще). – Да дай ей, дура, сказать, – она ведь рассказывает, не ты* [1, с. 67]. Всего в этом диалоге насчитывается шесть ремарок подобной синтаксической структуры (субъект речи + обстоятельственная характеристика), но в остальных пяти случаях используется нормативное оформление при помощи запятой и тире. Еще в двух случаях ремарка в ВК характеризует способ произнесения следующих за ней слов персонажа; при этом в одном случае эта характеристика распространяется, по видимому, на весь последующий фрагмент речевой партии: *Обе в голос: – Так ему и*

надо. Не побивши – убивать! А вот у нас в деревне один тоже жену зарезал, – да ты, Мусенька, не слушай (громким шепотом) – застал с любовником. И его враз, и ее [1, с. 68]; во втором случае касается только одного слова: – Ну, эту дочь звали Земфира (грозно и громко:) Земфира – эта дочь говорит старику, что Алеко будет жить с ними, потому что она нашла его в пустыне... [1, с. 67].

В ряде случаев различие голосов ВК и базовой части является имплицитным. При такой реализации ВК анализируемого типа не имеют прямых аналогов в нормативном дискурсе. Как отмечает О.Г. Ревзина, они используются в качестве «средства введения полифонии», «рассмотрения одной и той же информации в двух коммуникативных планах» [3, с. 469].

В одном случае можно утверждать, что ВК указывает на источник, но не на источник цитаты, как это характерно для формализованных стилей, а если можно так выразиться, на источник мысли, концепта, важность которого опровергает автор: *Быт?* («*Быт русского дворянства в первой половине XIX века*»). *Нужно же, чтобы люди были как-нибудь одеты* [1, с. 73]. Неприязнь Цветаевой к концепту *быт* широко известна, но в данном случае речь идет об оценке роли и значимости этого концепта не в объективной реальности, а в структуре конкретного художественного текста, и автор противостоит здесь не самому быту, а той точке зрения, которая придает ему первостепенное значение. ВК, указывающая на объект противостояния, содержит фрагмент чужого дискурса. Возможно, этот фрагмент представляет собой перефразированное заглавие работы Н.М. Богословского «*Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века*» (1906); в современных сборниках школьных сочинений представлена тема «*Быт и нравы русского дворянства («Евгений Онегин»)*». Вероятно, неслучайной является постановка точки уже за пределами ВК: коммуникативной интенцией обладает не стереотипное нормативное чуждое наименование, а использование этого наименования в тексте как пояснения точки зрения, которую опровергает автор.

В двух случаях содержание ВК связано с альтернативным именованием. Эта функция характерна для другого типа ВК – ВК, синтагматически связанных с ос-

новным текстом и соотносящихся с формально однотипной номинацией в базовой части. В отличие от таких ВК, ВК анализируемого типа соотносятся не с одной номинацией, а с целым описательным фрагментом. Ср.: *«Татары» – татары в белых балахонах, в каменном доме без окон, между белых столбов убивающие главного татарина («Убийство Цезаря»)* [1, с. 58]. *И вот – видение: Пушкин, переносающий, проносящий над головой – все море, которое еще и внутри него (тобою полн), так что и внутри у него все голубое – точно он весь в огромном дó неба хрустальном яйце, которое еще и в нем (Моресвод)* [1, с. 86]. В первом случае в соотношении ВК и базовой части реализуется антиномия детскость / взрослость со всеми вытекающими из нее последствиями: незамутненная непредвзятость, но вместе с тем односторонность и неточность восприятия/точность и узнаваемость, но догматичность и отсутствие тайны, загадки и попытки познания. Смутное, удивленное детское восприятие контрастирует с четкостью и однозначностью «взрослого» наименования, устраняющего неясность, но вместе с ней стирающего и загадку. Во втором случае, напротив, повествователь выносит в ВК «свое» слово – окказионализм *моресвод*, образованный по аналогии с общеупотребительной лексемой *небосвод*. В «Истории одного посвящения» Цветаева использует также окказионализм *огнесвод* [4, с. 129]. Это ситуация субъективного именования.

В одном случае ВК содержит метаязыковое пояснение: *Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина* [1, с. 59]. В ВК дается грамматическая характеристика предшествующего словосочетания, поясняющая разницу между взрослым и детским восприятием.

Еще в одном случае ВК используется при описании детского восприятия поэтического текста: *«Сквозь волнистые туманы пробирается луна...» – опять пробирается, как кошка, как воровка, как огромная волчица в стадо спящих баранов (бараны... туманы...).* *«На печальные поляны льет печальный свет она...»*

[1, с. 79]. Цитата из стихотворения сопровождается тремя ассоциативными сравнениями, отправной точкой которых служит сочетаемость одной лексемы из стихотворной строки (*пробирается – кошка, воровка, волчица*), а скобочная конструкция включает в себя подтверждение верности ассоциаций не только в плане субъекта действия *пробирается*, но и в плане его окружения: *бараны – туманы*. Рифма выступает как доказательство родственности, связи. Эта ВК одним своим словесным содержанием, помноженным на пунктуационное оформление, создает эффект полусонного смутного бормотания, ассоциативного эха от воспринятого, витающего в душе и сознании ребенка. В этом *бараны... туманы...* – отголосок или предвестье того соударения слов, притянутых друг к другу созвучными оболочками, соударения, высекающего искры новых смыслов, того соударения, на котором по большому счету строится поэзия и которое в крайней, явной степени своей выраженности и, возможно, чересчур явной своей эксплуатации обозначается исследователями творчества Цветаевой впечатляющим и жутковатым в своей звучности словосочетанием «паронимическая аттракция».

ВК, синтагматически не связанные с базовой частью, предоставляют иллюстрацию удивительной, казалось бы, склонности автора пояснять множество взаимосвязанных слов через одно слово. Обычной, естественной – пояснение непонятого слова через предложение-определение. Здесь же поэтическая сила свертки огромного количества смыслов в одном слове привлекается для словно бы перевода.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в очерке «Пушкин и Пугачев» при реализации синтагматически не связанных с базовой частью скобочных ВК не наблюдается противостояния реплик своего и чужого голоса. В очерке «Мой Пушкин» такое противостояние сопровождает реализацию всех ВК анализируемого типа. Разграничение голосов происходит не только на уровне явно маркированного чужого слова, в оппозиции к которому находится автор, но и нейтрального чужого слова; кроме того, выделяется относительно нейтральное свое слово, исключительно свое слово и внутренняя речь.

Список литературы

1. Цветаева М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина – М.: Эллис Лак, 1994. – 720 с.
2. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
3. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.
4. Цветаева М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина – М.: Эллис Лак, 1994. – 688 с.